

ствительности абсолютной, дающей въ чистомъ переживаніи всю полноту богатствъ духа. Толстой прошелъ черезъ этотъ соблазнъ, и преодолѣлъ его и пришелъ къ отрицанію самодовлѣющаго творчества, стремясь къ тому, въ чемъ жизнь и творчество сливаются совершенно. Ему, какъ и любому члену христіанской общинѣ, стало ясно, что надо жизнь провести не «въ литературѣ», а въ чемъ-то другомъ; что нельзя заполнять жизнь собственной, «человѣческой» работой и, значитъ, потерять втунѣ ее, когда внутренній смыслъ побуждаетъ къ совершенію безпредѣльныхъ задачъ своего духовнаго, вѣкѣчного существованія. Христіанство открыло ему «что дѣлать», и Христосъ повлекъ его по своимъ путямъ, которые и являются единственными путями для человѣка. Ибо «истина Евангелія совпадаетъ съ внутреннимъ стремленіемъ человѣка и съ ходомъ жизни всего міра».

Осуществилъ ли Толстой это высшее человѣческое призваніе, къ которому онъ пришелъ и на которомъ утвердился?

До послѣднихъ дней онъ занимался литературой, и, хотя зналъ и высказывалъ ту истину, что осуществившій себя непосредственно тѣмъ самымъ рѣшилъ задачу жизни и своей и другихъ, но продолжалъ въ своихъ сочиненіяхъ разъяснять людямъ истину сло-